

Павел Мельников-Печерский

Дедушка Поликарп

Часть сборника
*Княжна Тараканова и принцесса
Владимирская (сборник)*

Павел Иванович Мельников-Печерский

Дедушка Поликарп

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377485

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«Приехавши на Валковскую станцию, вышел я из тарантаса, велел закладывать лошадей, а сам пошел пешком вперед по дороге. За околицей, у ветряной мельницы, сидел старик на завалинке. На солнышке лапотки плел. Я подошел к нему, завел разговор. То был крестьянин деревни Валков, отец старого мельника, все его звали дедушкой Поликарпом. Сколько ему лет – никто не знал, и сам он не помнил. Одно только сказывал, что нес тягло еще в ту пору, как «царица Катерина землю держала». Крепко жаловался старина на нынешние времена, звал их «останными», потому-де, что восьмая тысяча лет в доходе и антихрист во Египетской стране народился...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Павел Иванович Мельников-Печерский Дедушка Поликарп

Приехавши на Валковскую станцию, вышел я из таранта-са, велел закладывать лошадей, а сам пошел пешком вперед по дороге. За околицей, у ветряной мельницы, сидел старик на завалинке. На солнышке лапотки плел. Я подошел к нему, завел разговор. То был крестьянин деревни Валков, отец старого мельника, все его звали дедушкой Поликарпом.

Сколько ему лет – никто не знал, и сам он не помнил. Одно только сказывал, что нес тягло еще в ту пору, как «царица Катерина землю держала». Крепко жаловался старина на нынешние времена, звал их «останными», потому-де, что восьмая тысяча лет в доходе и антихрист во Египетской стране родился. Слово за слово, разговорились мы с дедушкой.

– Что, – спросил я его, – много ль помолу на мельнице-то?

– Какой помол, родименький! Какой помол! Наши места бесхлебные. У нас, кормилец, по всей волости хлеб-от пло-хо родится. Каков ни будь урожай, доле Святой своего хлеба не хватит; иной год с Тимофея-полузимника¹ на базаре покупаем.

– Земли-то у вас, кажется, довольно.

¹ Двадцать второе января. (Прим. автора.)

– Эх, родименький, какая земля по нашим местам! Много ее, да пути-то нет. И велико поле, да не родимо. Погляди, какова земля-то: лес да песок, болота да мочажины... Какой у нас хлеб?.. Земля же холодная: овсы иной год уродятся, ну и льны тоже, а рожь завсегда плоха бывает. А ежели насчет пшеницы аль проса, так этих хлебов у нас и в заведении нет, семена погубить, ежели посеять. Гречей тоже мало займутся, для того, что каждый год морозами ее, сердечную, бьет. Такие уж наши места!

– А в старину как бывало?

– Как можно в старину! В старину все лучше было, на что ни взглянешь, все лучше было. И люди были здоровее, хворых да тщедушных, кажись, и вовсе не бывало в стары-то годы. И все было дешево, и народ-от был проще, родимый твой. А урожаи в стары годы и по нашим местам бывали хорошие. Все благодарили создателя. У мужичка, бывало, года по два да по три немолочный хлеб в одоньях стоит... А в нынешни останны времена не то... Объезжай ты, родимый, все наши места: и Заузоле, и Ячменскую волость, и Лыковщину, и Жары, нигде ты единого одонья не увидишь, чтобы про запас заготовлен был. В стары-то годы, родименький, «кули ж к и»² жгли, на них рожь-то, бывало, сам-восемь да сам-десять... А в нонешни года кулижек жечь не велят – лесные завелись, полесовные. От этих от самых лесных кулижка

² Кулига – то же, что валки, чища, чищоба, огнище – расчищенный, выкорчеванный и выжженный под пашню лес.

теперь в такую цену станет, что палить ее уж и не из чего... А бывало, в старину-то, в летнюю пору, перед Ильиным днем, куда ни поглядишь – там из лесу дымок, в другом месте, в третьем... Иной раз местах в десяти разом горит... А нынче не велят, запрет положон.

– Что ж это за кулиги такие, дедушка, для чего они?

– А пилины, ли, родной... Пойдет, бывало, мужик в лес, свалит ельнику, сколько ему надо, да, сваливши деревья, корни-то выроет, а потом все и спалит. А чтоб землю-то получше разрыхлить, по весне-то на огнище репы насеет. А к третьему Спасу³ хлебцем засеет. Землица-то божья безо всякого удобренья такой урожай даст, что господа только благодарить... Сам-восемь, сам-десять урожай-от бывал. А теперь не то, – с глубоким вздохом прибавил дедушка, – теперь не велят кулижек палить.

– Да нельзя же, дедушка, волю над лесом дать. Пожжешь его без толку, так после не то что на отопку, на лучину ничего не останется.

– Вестимо, родименький! Известно дело, мужику нельзя в лесу воли дать... Как можно! всякое запрещение для порядков делается. Только земля-то у нас уж больно скудна, без навоженья ничего не родит. Такие уж наши места! Семена надо сгубить, коль хорошенько не унавозишь полосу. А на кулижках-то и без навозу хлебец родился. Так-то оно и хорошо было.

³ Шестнадцатое августа.

– Что ж вы лучше не навозите землю-то? Навозьте ее больше.

– Вестимо так, родимый, землю по нашим местам как можно больше надо навозить. Какого хлеба с нее без навоза взять? Без навозу никак нельзя... Только скотинка-то у нас больно плохонька. Вот что, кормилец!.. Уж куда с нашими коровенками землю удобрять как следует!.. Никак невозможно... Посмотри-ка ты, какая по нашим местам скотина? Сама лядащая, именно, как пословица молвится: «коровенка меньше котенка». Слава только одна, что скотина. Вон на Горах⁴ скотина хорошая, крупная: каждая корова барыней смотрит, оттого там и хлеб родится хорош. А у нас что? Места уж такие у нас.

– Так заведите хорошую скотину.

– Известно дело, родименький, что от хорошей скотины больше навозу... Это так, это ты истинну правду молвил... А нам без удобрения никак невозможно... Вот начальники-то наши, дай им бог многолетно здравствовать, хермы⁵ тоже у нас завели и скота хорошего пригнали на них... Такой славный скот, что любо-дорого посмотреть. И мужичкам было хотели давать на племя такую скотину, строгостью даже приказывали разбирать ее по дворам безданно-беспошлинно... Дай бог им здоровья, господам начальникам... Уж такое они

⁴ На Горах – значит, на правой стороне Волги. «Нагорные» – жители правой стороны Поволжья.

⁵ Фермы.

об нас глупых попечение принимают, что сказать нельзя. И не стоим мы таких милостей. Право слово, не стоим.

– Нарасхват, чай, разобрали жалованных-то коров?

– Как возможно, родимый? Нам ли такую скотину держать?.. Нет, нечего бога гневить, помиловало начальство: ни единой коровки не дали... Всей волостью поклонились тогда мужички управляющему, почему там с души пришлось, поблагодарствовали... Дал господь – откупились. Помиловали начальники, дай бог им, нашим добродеем, здоровья – не роздали коровушек. Прописали, где следует: «желающих не оказалось».

– Как же так, дедушка? Даром такое добро вам давали, а вы не брали? Что ж это значит?

– А то значит, родимый, что уж такие у нас места... Место месту ведь рознь. Начальники-то наши, известно дело, каждому человеку добра хотят, иначе ихне добро в ином месте впрямь добром выйдет, только надобно будет бога вечно молить за него, а в ином, может, и неподалеку где-нибудь, от того добра мужик-от волком взвояет... Земля-то наша свято-русская больно уж велика стала, кормилец: с одного-то места ее не обозришь... Вот, примерно сказать, про казенну скотину мы с тобой калякали: по здешним местам наши лядащие коровенки не в пример способней крупного скота. А каких-нибудь за тридцать верст, хоть у нагорных, крупна скотина – истинно бесценное сокровище. У нас ведь по всем нашим местам поемных лугов вовсе нет, и пожней-то, сен-

ных – то, значит, покосов маловато. По плантам и много, да в наличии не предвидится... Да и что за покосы? Белоус, да осока, да донник – и все тут. На что наши коровенки, и те по раменям пасутся, а сыты не бывают, зимой стоят на соломе, для того, что посыпки-то взять негде, и на свой-от обиход хлебушко с базару покупаем... Ну, от такого корму не диви, что здешняя скотина – кожа да кости. По этому по самому крупному скоту у нас и невозможно быть: зимним делом и сам голодом насидишься и жалованну корову сморишь; а летом где ее пасти? У нас по покосам да по раменям: собашник, болиголов, лютик, бешеница, молочай, жабник ⁶

⁶ Собашник – *Cynoglossum officinale*; болиголов – *Chauronyllum*; лютик – *Aconitum*, бешеница – *Cicuta virosa*; молочай – *Euphorbium palustre*; жабник – *Ranunculus bulbosus* – травы более или менее ядовитые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.